

Ангелос Сикелянос
в переводах с греч. **Е.Н. Колесова**

Опубликовано в книге:
Сикелянос А. Избранное
Сост., предисл., примеч., словарь В. Соколюка
М.: Молодая гвардия, 1986,
с. **11-12, 23-25, 27-29**

Возвращение

Львиной походкой неслышной,
точно во сне звероликом,
возвращаюсь к тебе, мой берег,
радость моя и горе.
Сердце мое трепещет,
но блещет солнце во взоре.

А море клокочет и стонет
в груди моей;
гонит седое солнце
всё дальше свой обруч скрипучий,
и тучи, расправив крылья,
поют, как мельницы, песню ветра,
он бьется в них, точно птица
в сетях молодца-птицелова.
И моря голос могучий
молвит мне тихое слово.

Любви и нежности полон
гребень седой, белопенный;
в синих глубинах
дремлет сказочный сад,
роняя диковины чинно,
а волны несут их назад,
и в гаснущей пене на влажном песке
глохнет стрекот цикад.

Потихоньку смеркается,
и внезапно вдали,
будто плеск весла в тишине,
блеснул закат догорающий,
нежно раня глаза мои,
и открылся мне мир засыпающий
в первозданной своей глубине.

И парю я, землю покинув,
суету мирскую отринув,
отряхнув набежавший пот;
а внизу Ионики водам
и судам, паруса поднявшим,
свежий ветер нашей свободы
песню пламенную поет.

Пан

Пустынный берег. Летний зной. Сияет галька белизной,
на солнце тая,
и кажется издалека, что это влага родника
бежит, сверкая.

А над пучиною морской парит триерой немирской
тень Саламина.
Кинета спит и видит сны, и дышит запахом сосны
пучина.

Торопит ветер корабли, и море пенится вдали,
внимая тучам,
и коз рогатые стада уже спускаются сюда
по кручам.

Вложив, как сызмальства привык, себе два пальца под язык
и свистнув дюже,
пастух всех коз своих созвал и по рогам пересчитал –
все сорок дюжин.

От зноя мучаясь, они сокрылись в ласковой тени
кустов шалфея,
и тут под шепот ветерка им веки тронула рука
Морфея.

И вот уж всё – и берег крутой, и воздух сине-золотой –
объято дремой;
уснуло стадо, и над ним, как в алтаре, витает дым,
такой знакомый.

И лишь козел-вожак не спал; он поднял голову и встал
неторопливо;
он шел, своих покинув коз, чтобы подняться на утес
среди залива,

что бурям преграждает путь и смело подставляет грудь
волнам прибоя.
Вожак уж там: у ног – обрыв. Он лег, над берегом застыв,
как страж покоя.

Он лег и оставался там, открытый солнцу и ветрам
солонватым,
пока средь набежавших туч не догорел последний луч
заката.

Первый дождь

Мы у окна вдвоем с тобою...
Природа кажется больною,
утратившей былую мощь.
Вот виноградники на круче
померкли в мрачном блеске тучи,
и присмирел гуляка ветер
среди листвы поникших рощ.
Промчались птицы с резким криком –
и грянул гром в краю великом,
и на поля в разгуле диком
неимоверный хлынул дождь!
Взлетев, опали клубы пыли,
и мы чему-то рады были,
и дух земли был крут и прян.
Его вбирая, наши души
омылись от жары и суши
(он нам открыл глаза и уши,
оливы распрямили стан –
от влаги ли, от ворожбы ли?);
над лугом ароматы плыли,
волнуя нас. Моя рука
твоей касалась слегка,
и мы гадали – то ли это
пчелиным медом пахнет лето,
то ль это сосны и тимьян?
Я сам благоухал, как миро,
и пел, как трепетная лира
в руках у ветра и огня.
Во рту моем скопилась сладость,
и сердце ощутило радость –
ведь ты взглянула на меня!
Я стал живительной лозою,
воспрявшей с первою грозой,
несущей добрых мыслей плод;
и запахи цветов и ягод,
каких не соберешь и за год,
как будто музыка эфира,
лилась с заоблачных высот.
Я не видал богаче пира!
И, восприяв все страсти мира,
что дарит нам судьбы рука,
я твоего коснулся тела,
и тотчас кровь моя вскипела,
как будто горная река.